

Раненое сердце

Они сидели на лавочке и целовались. Мир вокруг них исчез. Растворился. Сделался совершенно ненужным. Они целовались в захлеб, сильнее и сильнее прижимаясь друг к другу. Целовались так, как если бы от этого зависела их жизнь. Полностью, безраздельно отдаваясь упоительному чувству, переполнявшему их. С каждым поцелуем они делали всё ненасытнее, ближе, желаннее, стараясь подарить друг другу то счастье, то блаженство, которое испытывали сами.

Источаемая ими радость была могущественнее любого волшебства. Она заставляла солнце светить ярче, и оно в благодарность окружало их золотистым шатром своих лучей. Она вдохновляла птиц лучше утренней зари, и они наперегонки подбадривали их своими трелями. Впитывая ее в себя, немногочисленные прохожие, тихонечко, чтобы не помешать, пробиравшиеся мимо, расплывались в улыбке и ощущали, как и у них начинает учащенно биться сердце и хочется сделать что-то исключительно доброе и хорошее: кого-то похвалить, утешить, приласкать, кому-то помочь, принести подарок или за что-то извиниться.

Вдруг она мягко отстранилась от него и спросила:

- Что это?

Еще секунду назад рядом с ними ничего не было, а сейчас из воздуха соткалась дверь - самая банальная, чистенькая, светленькая, с незамысловатой традиционной рукояткой. Он вскочил, схватился за нее и повернул. Дверь легко поддалась, и он шагнул в нее. Последнее, что Эол услышал, был шепот девушки:

- Я буду ждать тебя, любимый, сколько бы тебе на это ни потребовалось времени.

Увиденное его молниеносно вернуло с небес на землю. Насколько хватало глаз, перед ним простиралась бескрайняя пустыня. Злая. Жестокая. Выжженная дотла. Бессмысленная и враждебная.

- Осёл! - чертыхнулся Эол. - Ну, куда тебя понесло? Думать же надо, перед тем как дергаться. Хотя бы иногда.

Хорошо еще, что он не отпустил рукоятку. Столь же стремительно, как и в первый раз, Эол вновь распахнул дверь и ринулся в нее.

Теперь он стоял на вершине холма, резко, надменно обрывающегося вниз. У его ног лежал город. Огромный. Величественный. Уходящий за горизонт. Раньше Эол его никогда не видел. Да и ничего похожего, вероятно, тоже.

Город весь состоял из аккуратных, ровненьких, приземистых особняков, до боли одинаковых, но не кажущихся однообразными. Открывающуюся перед ним картину не портили ни привычные многоэтажки, ни уродливо-надменные постройки нуворишей, стилизованные под дворцы.

Эол хотел было позвать девушку, обернулся к ней и тут только сообразил, что он один,

совершенно один. Дверь пропала, будто ее никогда и не существовало. Пути назад не было.

Сердце Эола сжалось. Он весь напрягся. В голову полезли, толкаясь, самые причудливые мысли. В общем-то, вполне понятные и объяснимые. Но он даже не начал с ними разбираться, как ощутил, что не только с ним, и с городом что-то не так. Что-то не в порядке.

По нему не бегали огоньки, приветливо зазывающие и что-то предлагающие. Из него не раздавался ни перезвон колоколов, ни обыденный шум, присущий любой агломерации таких масштабов. Главное – в нем не ощущалось биение жизни. Он казался застывшим. Забывшим, что такое движение. Заколдованным.

Город пребывал в каком-то полудремотном состоянии. Над ним, как темное облако, нависала тяжелая, давящая, всё парализующая тоска. Страшная и беспросветная.

- Да, тоска – самое подходящее слово, – подумал Эол, и тут же кто-то другой в его мозгу откликнулся.

- Ты угадал. Молодец! Я в тебе ни секунды не сомневался. Это тоска. Она душит. Она убивает город. Вернее, почти убила.

- Постой, – оторопел Эол, – ты кто такой? Ты где? Ты зачем? Я тебя не вижу.

- Ну, на вопрос где, ты, кажется, уже сам ответил. С вопросами кто такой и зачем – несколько сложнее. Давай так: ты не будешь дергаться и пытаться меня выгнать или вытрясти из своей головы, а я постараюсь всё доходчиво объяснить. По рукам?

- По рукам.

- Вот и славненько. Переход из реальности в реальность сопряжен с большими рисками. Разрешив его, Высший Разум, создал нас – системы искусственного интеллекта. Сокращенно – СИИ. Мы автоматически протаиваем в мозгу любого существа, совершающего переход. Наша миссия – помогать, предупреждать, заботиться. Кроме этого, мы способны наделять путников новыми, порой удивительными способностями, если в этом возникает необходимость. К тому же, поверь, мы не просто помощники. Мы – преданные, верные друзья. На нас можно положиться: мы не обманем и не подведем. Мы так устроены. Но у нас двойное предназначение – защищая путника от любой опасности, делать это так, чтобы не пострадали не материнская, ни вновь обретенная реальность.

- Разумно, – откликнулся Эол. – Только аббревиатура СИИ мне не нравится: язык можно сломать. Давай я назову тебя Дэй: нам так легче будет общаться. Мое имя ты, наверняка, знаешь. Еще одно предложение – пусть весь блок информации возникает у меня в мозгу сразу. Выслушивать словесные объяснения – слишком долго. Так мы сэкономим кучу времени.

Пока Дэй рассказывал ему о себе, Эол пристально вглядывался в город, лежащий у подножия холма, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь взглядом, отыскать что-либо знакомое или, по крайней мере, необычное, найти подсказку. Результат, увы, был нулевой. Поэтому он с удовольствием переадресовал мучавшие его сомнения искусственному интеллекту.

- Послушай, Дэй, ты не сказал самое главное: зачем я здесь? Я совершил этот переход не по

своей воле. Меня сюда закинуло. Значит, это кому-то нужно. Или для чего-то. С твоей миссией понятно. Что с моей? В чем она состоит? Чего от меня ждут? Что мне надо делать? Кстати, заодно покажи, какие такие новые способности у меня появились. Может, сразу и опробуем?

- Конечно, опробуем, - улыбнулся Дэй. Улыбку Эол не мог увидеть, но он почувствовал, как по телу разлилось тепло. На сердце вдруг стало легко и свободно. Тревога куда-то ушла. Похоже, у них с Дэем установился исключительно доверительный контакт. У них получалось работать в паре. Перспектива стать друзьями не на словах, а на деле, выглядела вполне достижимой.

- Выбери место в городе, в котором ты хотел бы оказаться, - продолжил тем временем Дэй, - не важно, какое. Мы мгновенно там десантируемся. Такое перемещение - одна из новых твоих способностей. Другие будут просыпаться в тебе по мере необходимости. Наметил? Тогда вперед!

В ту же секунду Эол очутился на окраине города, слегка отгороженной от остальных его частей. Он прикинул, или кто-то умело подсказал его подсознанию, что так легче будет избежать неверного хода, нелепой случайности, которая его выдаст, как и, элементарно, нежелательной встречи с блюстителями порядка.

Хотя об окраине города можно было говорить лишь условно. Домик с палисадником, отгороженный от соседних плотной стеной зелени, к которому он подошел, ничем не отличался от тысяч других, уходящих разрозненной толпой в направлении центра. Когда-то они выглядели, наверное, очень живописно, были построены по единому плану, и жить в них было вполне привольно и комфортабельно. Однако сейчас все они источали ту же тоску, которую Эол ощутил за многие километры, находясь на вершине холма. Казались обветшалыми. Зброшенными. Напоминали подбитую птицу, которая еще помнит о прежних пируэтах в поднебесье, но, что такое летать, давно забыла.

Когда Эол вошел в калитку, поднялся по ступенькам крыльца и позвонил, он уже всё знал о своем предназначении здесь, в этой реальности. Каким-то ему одному известным образом он должен был спасти город. Возродить его. Вернуть к жизни. Развеять тоску, заполонившую его. Победить ее. Вдохнуть в обитателей надежду.

Выудить у Дэя какие-то подробности, самые простые намеки на возможную стратегию и тактику не получилось. У Дэя в программе об этом ничего сказано не было. Приходилось действовать по наитию.

- Понятно, - отреагировал Эол на извиняющийся тон Дэя. - Берем на вооружение девиз Наполеона «veni, vidi, vici», то бишь «пришел, увидел, победил». Правда, в отличие от него, я не знаю, куда «пришел». Кого должен «увидеть». Кого нужно «победить». Ну, да разберемся. Лиха беда начало.

Дверь ему открыла опрятно, даже элегантно одетая женщина, скорее, среднего возраста. Судя по внешнему виду, лет ей было не так много. Тем не менее, выглядела она совершенной развалиной. Сутулилась как старуха. Пришамкивала. Едва двигалась. Особенно жуткое впечатление производили ее глаза. В них застыли непередаваемая боль и горечь. Настолько зримая, что Эол было даже отшатнулся.

Она не стала его ни о чем спрашивать, указала на место у стола, сама же принялась хозяйничать. Когда Эол набросился на приготовленные ею аппетитные кругляши, отдаленно напоминающие оладушки, а в руках у него появилась чашка с каким-то обжигающе горячим напитком, она сама, без какого-либо поощрения с его стороны, принялась изливать ему душу.

Из ее сбивчивого рассказа Эол понял, что она ждала помощи долго-долго, день за днем, уповая только на нее – она же не приходила и не приходила. Выбираться из дома обессилившая женщина давно уже не могла. Узнать, что случилось с сыном, ей было не у кого. Уезжая, он оставил ей средство связи, похожее на смартфон, и первое время регулярно ей звонил. А потом пропал. Она же, на что тыркать в этой штуковине, понятия не имела. Вот и оставалось ей лишь рыдать все дни и ночи напролет, представляя себе самые неопишуемые ужасы, проплакивая последние годочки, остававшиеся у нее в запасе, уповая только на счастливую случайность.

Эол всё понял, когда женщина еще первый раз, вся засветившись, заговорила о звонках сына. Пока она продолжала свои причитания, он обошел кухню и светлицу, как будто рассматривая фотографии, и без труда нашел то, что искал – подзарядник к смартфону. Дальнейшее заняло не больше нескольких минут. Он поставил смартфон женщине на подзарядку, и, как только экран засветился, нажал иконку ответного звонка. Услышав на том конце мужской голос, передал ей трубку, взяв с нее сначала клятву не вытаскивать ее больше никогда из подставки.

Когда Эол вышел наружу, он увидел, как стремительно дом меняется. Пришибленность и обветшалость исчезли. Здание распрямилось. Черепица засияла, избавившись от тошнотворного налета патины. Вдоль стен весело побежали вьюны, стремительно расцветая и наполняя воздух совсем другими ароматами.

Полюбовавшись произведенным им эффектом, подтверждающим, что он на правильном пути, Эол направился к соседнему дому. Живущая в нем многодетная семья бедствовала без воды. Не то чтобы ее совсем не было. Но сочащаяся из крана струйка была настолько немошной и прерывающейся, что на то, чтобы набрать кастрюлю или чайник, уходила целая вечность.

Поскольку что-то всё же текло, коммунальные службы отказывались для них что-либо делать. До местных властей было не достучаться. Денег же на колодец или скважину у них не было – пособия и дотации год от году снижались. К тому же их регулярно «забывали» выплачивать.

На то, чтобы сварить суп или что-то еще, воды в принципе хватало. А вот на чай, мытье посуды, тем более детей – уже нет. Так что приходилось мыкаться по соседям. Сначала те им еще сочувствовали. Со временем же стали пускать всё реже и реже или даже прогонять, награждая такими эпитетами, что впору сквозь землю провалиться.

В этой ситуации для Эола тоже не было ничего таинственного. Еще подходя к дому, он заметил в дальнем конце сада заболоченный участок, на ограде которого было намалевано, что он устроен тут в противопожарных целях. Заболоченность вполне могла возникнуть из-за прорыва трубы, проложенной в жилище. Таким образом, причину нехватки воды ему не пришлось долго искать. Вместе с главой семейства они быстро раскопали землю, добрались до поврежденного кольца и наложили на него заплатку.

Еще одно строение распрямилось. Повеселело. Сделалось как новенькое. Страхнуло с себя неможное оцепенение. Стало источать уверенность и энергию.

И со следующим домом Эол недолго провозился. Войдя в него, он буквально кожей ощутил, что не так. Кухня, горница, светелка – всё внутри было погружено в полумрак. Живущие в нем люди сделались белесыми. Зеленоватыми. Выцветшими. Анемичными. Безразличными и к самим себе, и к окружающему их миру. Принадлежащий им дом и их самих больше ничего не интересовало. Им ничего не было нужно. Они от всего на свете давно и безвозвратно устали.

Но в полумраке, к которому они привыкли, не было ничего сверхъестественного. Этот полумрак один к одному походил на тот, которым славятся соборы, окна которых украшены расписной мозаикой. Для почина Эол сам схватил тряпку и моющие средства. Потом приставил к делу домочадцев.

Первое время они не проявляли никакого энтузиазма, отнекивались и даже пытались сопротивляться. Однако как только свет, настоящий, теплый, радостный, заполнил помещение, всё переменялось. На лицах заиграли краски. В глазах зажглись огоньки. Еще один дом, еще кого-то Эол вернул к нормальной, бери выше – счастливой жизни. Дал им надежду и уверенность.

Вполне довольный собой, он собрался было продолжить в том же духе, но его охолонул Дэй:

– Браво. У тебя здорово получается. Снимаю шляпу. Но я тут посчитал: чтобы обойти так где-то около трети города, у тебя уйдет несколько столетий. К тому же учти, что ожившие дома долго не продержатся. Они всё равно останутся в объятиях безудержной тоски, пожирающей город. Рано или поздно, она до них снова доберется.

– Что ты предлагаешь? – собрался было обидеться Эол. Он невольно насупился. Лицо у него мгновенно помрачнело. Но он тут же отошел, заметив, что ноги сами повлекли его по дорожке, протоптанной не одной сотней ног к дому, неуловимо отличающемуся от всех других.

Охрана вокруг него выставлена не была. Тем не менее, Эол почувствовал, что его ментально обнюхали. Дэй сразу насторожился и заставил его слегка задержаться на крылечке, однако быстро дал отбой и пропустил его в зал.

Митинг был в полном разгаре. Люди среднего возраста, те, за плечами у кого было чуть больше опыта, желторотая молодежь, не важно, – все собравшиеся в один голос без разбора с упоением громили действующую власть. На орехи доставалось всем и каждому. Императору – за преступное бездействие. Чиновничеству – за мздоимство и некомпетентность. Мэру, депутатам и местным властям – за то, что без стыда и совести пилят бюджетные деньги, расписывают их по своим карманам, карманам родственников и прихлебателей, и больше ничем не занимаются. Руководству всех уровней вообще и бизнесу в частности – за повальную коррупцию, стяжательство, ограбление и принуждение. За то, что душат, топчут, лезут во все дыры, изымают последнее.

Эол немного послушал, а потом решительно взобрался на трибуну. Его речь была очень короткой, но настолько выверенной, насыщенной и энергичной, что у народа к ее окончанию не осталось и тени сомнения в том, что он мессия. Что он говорит дело. Надо действовать так, как он призывает. Следовать за ним. Предпринять всё, что он предлагает. И тогда у них получится. Город воспрянет. Сделается совсем другим. Станет таким, о каком они мечтают.

Он буквально на пальцах показал бунтарям, отчего их обличительный пыл никто всерьез не воспринимает, и почему власть имущие его ничуть не боятся, искусно используя в свою пользу. Объяснил, что происходит с городом, и как можно бороться с разъедающей мир тоской, парализующей волю, убивающей желания, лишаящей возможности думать и действовать, и побеждать ее. Наконец, предложил разбиться на небольшие компактные группы, выбрать старших, наладить каналы связи, сформировать систему подчинения и тут же приступить к санации домов. Улицу за улицей. Квартал за кварталом. Район за районом. Всё это тут же и было сделано.

Одновременно перед каждой группой и руководством возникающей на глазах армии спасателей Эол поставил дополнительную задачу. Он попросил всех одновременно и неустанно искать людей, которые хоть что-то знают о том, откуда пришла или как появилась на свет всепроникающая тоска. Где ее истоки. В чем ее корни. Что подпитывает ее могущество. Как вернуться в те времена, когда ее еще не было.

- Дэй! - обратился Эол к своему искусственному Альтер эго, когда собрание, в которое он переформатировал поначалу безалаберный митинг, закончилось. - У меня к тебе огромная просьба: помоги им. Ты же прекрасно понимаешь, что с твоей помощью у них получится.

Ответ Дэя был более чем лапидарен.

- Уже, - сказал он.

Время шло. Движение разрасталось. Однако до прорыва было по-прежнему бесконечно далеко. И всё-таки намеченный Эолом план сработал. Ему повезло. После того как он таким же способом переформатировал то ли пятый, то ли шестой митинг, ему сообщили данные, которые он с таким нетерпением ждал.

Эол незаметно ретировался с выборов руководства и уже через минуту вышагивал по цветным «кабанчикам» дорожки, ведущей к парадному входу в особняк, от встречи с обитательницей которого, может быть, зависели все его дальнейшие действия. У дверей он ненадолго задержался - всё-таки предыдущие злоключения его кое-чему научили. На ней висело прелюбопытное расписание: по таким-то дням в такое-то время - исцеление индивидуальной кармы, продвинутые уроки хиромантии, коррекция личности и судьбы и т.д.

- Ага, - сообразил Эол, - вот почему особняк столь сильно отличается от других и выглядит таким самодовольным и преуспевающим. Похоже, его хозяйка действительно знает много такого, что могло бы нам пригодиться.

- Знать-то знает, да только еще нужно, чтобы она согласилась с нами поделиться. Поэтому возьми - ты кое-что забыл впопыхах.

Эол расхохотался: он сжимал в руках огромный букет из 35 бордовых роз, бутон каждой из которых тянул на нобелевскую премию. Теперь он был вооружен на все случаи жизни. Испытываемое им волнение улеглось. Он был готов к любым неожиданностям. Во всяком случае, и они, и Дэй так думали. С самомнением у них было всё в порядке.

Сказать, что она красива, не значило ничего. Это слово не передавало и сотой доли того,

насколько хорошенькой, притягательной и обворожительной она выглядела. Она обжигала сильнее раскаленной печи. Действовала как электрическая дуга. Вгоняла в транс одним лишь легким прикосновением, движением плеча, поворотом головы.

В случае с Эолом она не стала этим ограничиваться. Раз – и великолепный букет полетел в угол, уютно устроившись в роскошной напольной марокканской вазе. Два – ее губы впились в его с такой страстью, что он тут же забыл, кто он, зачем и где. Три – и они уже лежат, обнаженные, в объятиях друг друга на толстом персидском ковре ручной работы, наслаждаясь нежным будоражающим теплом, которое исходит от полыхающего камина.

Что было дальше, не мог вспомнить ни он, ни Дэй, хотя искусственный интеллект по определению ничто не может отключить. Правда, было ли что-то и до того, они тоже с уверенностью сказать не могли. В памяти остались лишь восклицательные знаки, ощущение чего-то божественного, неподражаемого и больше ничего.

– Какая разница, – в конце концов, сдался Дэй, убедившись, что ни на один вопрос Эола он не в состоянии ответить. – Ведь мы получили всё то, чего так хотели. У нас в руках теперь ключ к разгадке.

Действительно, они теперь доподлинно знали, как всё произошло. В то утро Фридрих Вильгельм проснулся совершенно опустошенным. Он ничего не помнил, ничего не чувствовал, как будто у него, чтобы подлечить, вынули сердце и забыли вставить назад. Он глянул на привычное супружеское ложе, и волосы у него на голове встали дыбом. Рядом с ним, разметавшись, лежала ведьма. Самая что ни на есть. Стопроцентная. С пепельно-черными паклями седых волос. Носом крючком. Длиннющими заскорузлыми ногтями на руках и ногах. Страшная и злобная. Ошибиться было невозможно.

Фридрих Вильгельм не стал поднимать панику. Осторожно выполз из опочивальни, оделся, вскочил на коня и был таков. В тот же день вышел рескрипт, которым столица переносилась в совсем другое место. Старый дворец обнесли тройной стеной и еще – для надежности – колючей проволокой. Дежурившим вокруг стражникам строго-настроено наказали, никого не впускать и не выпускать. Из всех учебников истории и официальных документов вымарали его упоминание.

Где, в чем она допустила промашку, Круиза так и не смогла докопаться. Ничто не предвещало осечки. Все годы она уверенно контролировала ситуацию. В тот день, когда она его впервые увидела, она сразу себе сказала, что Фридрих Вильгельм будет ей принадлежать. Полностью и безраздельно. На тут же организованной деловой встрече она дала ему испить свое фирменное приворотное зелье. Над ним она трудилась много лет, оттачивая и совершенствуя. Вложила в него все свои колдовские чары.

С того момента, как он его выпил, весь мир для него перестал существовать. Осталась только она – несравненная красавица, единственная, обворожительная и желанная. Но эффект приворотного зелья этим отнюдь не исчерпывался. Его прелесть заключалась в том, что глазами Фридриха Вильгельма ее видели все люди, все его подданные. Более того, для надежности, она воткнула ему в сердце длинный острый незримый шип, который превратил Фридриха Вильгельма в безвольную игрушку в ее руках, мечтающую лишь о том, чтобы

угадывать и выполнять все ее желания.

В то утро каким-то совершенно необъяснимым образом шип выпал из его груди. Наверное, она слишком уверилась в силу приворотного зелья и ослабила бдительность. Думала, что оно подействовало навсегда. Ан нет, его сила со временем ослабла. А затем и совсем иссякла.

Ведьму переполняла горечь. Ее душила злоба. Она должна была дать им выход. Ей хотелось наказать всех людей, самого Фридриха Вильгельма, всех его подданных за случившееся. И она вонзила длинный острый невидимый шип себе в ладонь и крутанула его, разбрызгивая кровь во все стороны. Страшнее проклятья было не придумать. Жуткая всепроникающая тоска излилась из зияющей раны и растекалась по городу, ломая и круша привычную жизнь, подчиняя всё себе, накладывая на всё характерный мертвенный отпечаток.

Императору же было всё равно. На месте потерянного сердца образовалась пустота, которую нечем было заполнить. Государственные дела его больше не интересовали. Жизнь не занимала. Он всё бросил на самотек. Подменить же его во главе государства никто не мог. Таким образом, безрадостная скука и безразличие утвердились повсюду – с низшего эшелона власти до самого верхнего.

- Жуткая история, – поделился Эол своими впечатлениями с Дэем. – Однако самое отвратительное в том, что я совершенно не вижу выхода. Зацепки есть. Их ворох. Но как ими воспользоваться, не представляю. Может, ты что подскажешь?

- Увы, не подскажу. Придется нам с тобой возвращаться в тот произведший на тебя столь неизгладимое впечатление особняк. Его хозяйка тебе что-то не досказала, чтобы ты ее посетил еще раз.

Второе свидание оказалось не менее эйфорическим, чем первое. Только теперь Эол уходил с него, держа в руках волшебное зеркальце. В голове четко, по полочкам, было разложено, как им пользоваться.

Следуя полученной инструкции, Эол перенесся прямо в опочивальню к ведьме. Как только он возник, она подскочила к нему и принялась танцевать победный танец.

- Ура! Я знала, я предвидела, что меня не оставят в беде, что ты когда-нибудь придешь, Спаситель. Действуй. Я тебя долго ждала. Не хочу терять ни минуты.

Эол взял ее за руку, и они перенеслись к Фридриху Вильгельму. Стоило ему взглянуть на отражение ведьмы в зеркальце, как она вновь стала юной, обворожительной, восхитительной, такой же, как в тот первый день знакомства. Может, даже еще краше, поскольку теперь ее красота приобрела зрелость, которой ей раньше не хватало и которую принесли ей испытанные страдания и долгая жизнь в тоскливом одиночестве.

Не спеша, точно примерившись, потрясающе, божественно красивая ведьма вонзила длинный острый призрачный шип в грудь императора, и вся беспросветная тоска, излившаяся в мир из ее ладони, всосалась в жадно забившееся сердце счастливого избранника.

- Спасибо, Спаситель, – сказала она, возвращая зеркальце Эолу, – всё получилось. Империя теперь вновь в безопасности. И мы очень ценим, что ты пробудил народ. Вместо прежней

империи мы будем нынче строить точно такую же самую демократическую и продвинутую республику в мире. Материал и предпосылки имеются. А ты забери обратно зеркальце. Тебе оно еще пригодится.

Покусывая травинку, Эол вновь сидел на вершине холма и с солидной толикой самодовольства разглядывал величественный город, стремительно очищающийся от всёразъедающей тоски. Пришло время прощаться с Дэем – портал должен был открыться с минуты на минуту. Они мысленно обнялись и похлопали друг друга по спине.

- Мне тебя будет очень не хватать, – пожаловался Эол. – За это время я сроднился с тобой. Даже не представляю, как буду обходиться без тебя. Так привык быть вместе. Всё делить по-братски. Вместе размышлять, взвешивать «за» и «против» и принимать решения.

- Мне тоже, – вторил ему Дэй. Будь он человеком, его голос бы сейчас задрожал. Но он взял себя в руки и продолжил. – То, что тебе удалось сделать в этой реальности, не останется незамеченным. Оно, наверняка, наложит отпечаток и на другие. Да и тебе самому пресной жизни не захочется. Так что не исключено, что тебя ждут новые испытания. Я же попрошу Высший Разум, если ты не возражаешь, вживить меня в твой мозг навсегда. Чтобы связь между нами никогда не прерывалась.

Эол не успел ответить. Из воздуха соткалась привычная дверь с банальной, до боли знакомой ручкой. Не мешкая ни секунды, он схватился за нее, потянул дверь на себя и выскочил в нее.

На скамейке в парке, которую они с самого начал облюбовали, сидела ведьма.

- Я обещала тебя дождаться и дождалась, – прошептала она тревожным, любящим голосом, будящим в Эоле лавину воспоминаний и ощущений, которые в нем вконец перепутались. – Ты зеркальце принес?

© Н.И.ТНЭЛМ